

Вестн. Ом. ун-та. 2007. № 2. С. 148–153.

И.И. Гончар

СТАТЬЯ БЕЗ НАЗВАНИЯ О ТОМ, ЧТО БЫЛО НА ФИЗФАКЕ ОмГУ 30 ЛЕТ НАЗАД

Я принадлежу к тем первым трёмстам студентам, которых обрёл свежееоткрывшийся Омский государственный университет в 1974 г. Собственно, мы и наши первые преподаватели и составляли тогда университет. Оттого, наверное, до сих пор сохранилось некое ощущение (иллюзия?) причастности к большому делу. Прошло 33 года. Наверное, самое время вспомнить о том, как мы учились, и о тех, кто нас учил. Может быть, современным студентам покажется забавным сравнить то, что было, с тем, что есть. А ещё, может быть, нынешним студентам-физикам интересно узнать, как попал в физики один из немногих выпускников ОмГУ, который на сегодняшний день стал доктором наук.

Прежде чем перейти к делу, хочу сделать три замечания.

1. Эти воспоминания сугубо личного плана, они не претендуют на какую-либо объективность. Именно поэтому в них так часто встречается местоимение «я». Это не от нескромности. Впрочем, о какой скромности может идти речь в начале XXI в., когда реклама не только прерывает любую теле- и радиопрограмму каждые 15 минут, но и сопровождает любую телепередачу в Омске (в виде бегущей строки)? Так почему бы не воспользоваться страницами «Вестника Омского университета» для саморекламы (которая теперь называется почему-то пиаром)?

2. Прошло столько лет, я могу быть не точен в цифрах и датах. Главное – передать правильно ощущения.

3. Нынче деньги очень в моде, а физика считается безденежной профессией. Так вот, я всю жизнь зарабатываю исключительно физикой. И заработок этот был всегда честный, почти весь «белый» и никогда не был очень маленьким. Даже когда в 1979–1984 гг. он был небольшим,

путешествовать в горы и отдыхать на море моя семья ездила каждый год.

Итак, в мае 1974 г., я уволился в запас из Советской армии. Относительно моей дальнейшей жизни я понял к этому времени следующее.

Иметь дело с публикой типа той, что окружала меня последние два года, я не хочу.

Учиться на инженера тоже не хочу, попробовал до армии и понял, что это не для меня.

Хочу быть историком, но стать им – значит менять свои взгляды (по крайней мере, внешние их проявления) каждые 5–10 лет, приводя их в соответствие с очередной единственно правильной линией нашей единственной партии, а это тоже не для меня.

Значит, надо идти учиться в ОмГУ, который объявил свой первый набор, на физику или математику (с химией в школе было плохо).

Чтобы поступить туда, надо идти на подготовительные курсы по физике и математике при политехе. Почему именно политех – не помню, может быть, при ОмГУ их тогда просто не было, а может, потому, что туда же пошёл мой друг по прозвищу Короед.

Июнь и часть июля прошли в напряжённой учебе. Мы с Короедом жили в Амурском посёлке, неподалёку друг от друга, так что и домашние задания каждый день делали вместе. Может, там я впервые стал получать удовольствие от преподавательской работы? То есть знал-то я мало, но ведь один из способов понять что-нибудь – это попытаться объяснить это другому. Так мы друг другу и объясняли до полуночи то, в чём сами только-только разобрались.

Потом шли к своим девчонкам, часам к 3–4 ночи приходили домой поспать, в 6

утра бежали на зарядку, а в 8 начинались занятия на курсах.

Впервые в жизни я учился, решал задачи, и это доставляло мне огромное удовольствие. Большую роль в этом сыграла преподавательница математики – умница и обаятельная женщина лет тридцати (а мне было всего 20 – уже 20!). Жаль, не вспомню теперь, как её зовут! А вот преподавательницу по физике не помню совсем, и не помню, чтобы она меня чему-нибудь научила.

Подошло время вступительных экзаменов. Их тогда сдавали только один раз и только в один вуз. И если недобрал баллов, то пробуй на следующий год. Я пришёл подавать документы в ОмГУ. Конкурс на математику был человека 3 на место, а на физику – 1,5. Вопрос выбора был решён в пользу физики: мне было уже 20 лет, и в случае непоступления на математику я бы сидел на шее у родителей ещё один лишний год. А это было стыдно! Да, трудно нам понять друг друга с современными студентами, многие из которых учатся на коммерческих местах просто потому, что не хотят учиться...

Математику мы с Короедом (он поступал в политех) сдали не просто отлично, а блестяще. Я свою письменную работу написал и проверил за 1,5 часа из трёх на неё отведённых.

Ответил на вопросы соседа и сдал работу. Преподаватель, проводивший экзамен, был крайне удивлён. А вот физику я сдал на 4...

Нечего и говорить, что наша обаятельная женщина-математик получила огромный букет цветов, причём мы припёрли его к ней домой, а дома был муж, он сообщил нам, что её нет дома. Мы её дождались у подъезда, благодарили... В общем, поставили, наверное, бедную женщину в неловкое положение.

В сентябре начались занятия. На уборочную нас не послали! То есть возили время от времени на овощную базу перебирать картошку, но чтобы на месяц в деревню – не было этого. наших первых преподавателей я помню до сих пор: вся кафедра физики (одна!) состояла из 5 человек.

Заведовал ею наш первый ректор Василий Васильевич Пластинин. Его лекции по введению в специальность запомнились тем, как он выдал нам число «е» с 10-

ю значащими цифрами: 2,718281828, сопроводив это комментарием: «А 1828 – год рождения Льва Толстого». Я про число «е» таким именно образом рассказываю теперь своим студентам. Хочется верить, что я им не только этим запоминаюсь.

А ещё ВВП (или его звали дядя Вася?) прославился среди студентов тем, что отпраивл домой переодеваться свою секретаршу, которая посмела прийти на работу в брюках. Такая одежда на женщине была непривычна, во всяком случае для нашего ректора.

Механику нам читал Павел Ермилович Дерябин. Не сказать, чтобы я много понимал, но экзамен... Однако не будем забегать вперёд. Лабораторные вёл Анатолий Скутин, он был старше меня года на два, недавно закончил Новосибирский университет и призывал нас заниматься с ним научной работой, решая уравнение Шрёдингера. Не знаю, удалось ли ему решить это уравнение, но кандидатскую диссертацию он недавно защитил. Куратором у нас был Владимир Фёдорович Булавко. Он знаменит тем, что занимался биофизикой, пытаясь искусственно осуществить фотосинтез. Наверное, это ему не удалось, потому что кандидатскую диссертацию он так и не защитил. Зато он о нас заботился, как отец родной, настаивал на нас на путь истинный и был, очевидно, убеждён, что путь этот знает. Деканом был Блинов, но не один из тех, что и сейчас работают в ОмГУ, а родственник Васки Блинова (это который теперь Василий Иванович).

Ага, я вспомнил, того Блинова звали Владимир Сергеевич, он читал нам молекулярку и был нашим деканом.

Наверное, с самого начала на кафедре физики работал ещё один преподаватель по фамилии Плешков, который в дальнейшем был очень нелюбим студентами-математиками и получил от них прозвище Циклоп. Впрочем, возможно, так выражалась их нелюбовь к физике, а Плешков просто им подвернулся.

Огромную роль в нашей жизни играли преподаватели математики. Они были все как на подбор 25-летние кандидаты наук. Помню, глядя на них, я впервые понял, как много безвозвратно потеряно в моей жизни: я-то в 25 лет только закончу университет, а они уже кандидаты и лекции в университете читают. Впрочем, и мне в

дальнейшем пришлось читать лекции в 25 лет в этом самом университете...

У математиков был особый стиль чтения лекций: в аудиторию они заходили без бумажек и начинали с того места, где прервались в предыдущий раз. На меня это производило сильное впечатление, хотя теперь я понимаю, что в этом было больше желания пустить пыль в глаза, чем реального знания дела. Тем более что иногда в начале лекции преподаватель говорил: «Зачеркните последние две страницы того, что мы писали в прошлый раз, я там сделал ошибку...».

Конкретно мы чаще всего наблюдали это на математическом анализе, который читал нам Георгий Леонидович Ходак. Его мы совсем не понимали, отчасти потому, что он с самой первой лекции стал всё записывать кванторами, а мы их видели в первый раз в жизни. Студенты на его лекциях вели себя по-свински: разговаривали в полный голос, кидались друг в друга бумажками и только что не плевали в Ходака из трубочек. Несколько человек, включая меня, пытались всё записать по-подробнее (о понимании не было и речи). Наверное, с тем же успехом можно сказать, что Ходак вёл себя по отношению к студентам... не совсем правильно. Ведь он даже и не пытался донести до нас смысл того, про что читал лекции.

Практики по матанализу вёл Коврижкин. Было довольно скучно и не очень понятно, но кое-чему мы там учились. Алгебру читал Михаил Васильевич Хорошевский. Он как-то довольно мало ошибался на своих лекциях, выглядел блестяще, как-то особенно интеллигентно, и понятно было в его лекциях довольно много.

Кроме занятий (а иногда и вместо них), мы таскали какое-то оборудование, которое всё время прибывало в университет, благодаря неутомимой хозяйственной деятельности ВВП.

Пришла первая сессия. Совершенно не помню сейчас, как я сдавал физику и историю партии. Зато экзамен по матанализу врезался в память навсегда. Готовились мы компанией – Ольга Мелющенко (ныне доцент Сердюк, работает в ОмГУПС), Галя Шишкина (она так и не закончила университет) и я.

Учили-учили, но чувствовали, что всё равно многого не понимаем. Накануне вечером позвонили кому-то из группы Ф-2

(а мы были группа Ф-1), которая сдавала матанализ раньше нас. Оказалось, что у них пара «четверок», с десяток «троёк», а остальные «двойки». Сказать, что настроение, с которым мы явились на экзамен, было пессимистическим – не сказать о нём ничего. Я лично трясся как осиновый лист. Ну, зашёл, взял билет, оказалось, что что-то помню, стал готовиться, написал чего-то, даже задачку, вроде, решил, не уверен, конечно, в ответе... Экзаменатор меня выслушал, чего-то поспрашивал и говорит: «Ну, “хорошо” я вам могу поставить, а если хотите “отлично”, дам дополнительную задачу».

Я чуть со стула не упал: все мои наиболее оптимистические ожидания сводились к «тройке». «Ладно, – говорю, – давайте задачку». Посидел-посидел и, кажется, решил. Во всяком случае, экзаменатор не смог мне доказать обратного и поставил «отлично».

Трудно передать в словах то чувство ликования, победы, собственной успешности и значимости, которое я испытал. Я – единственный со всего потока получил «пятёрку» по матанализу. Это был, абсолютно точно, поворотный пункт в моей жизни.

Вся первая сессия оказалась сдана на «пятёрки». В результате меня включили в состав делегации университета на комсомольскую конференцию Советского района. Там было довольно весело: кроме докладов, была какая-то викторина или конкурс, который мы выиграли. Самым нашим серьёзным конкурентом была команда ПОНОСа (не смейтесь, это аббревиатура Производственного Объединения НефтеОргСинтез). За выигрыш нам дали бутылку шампанского, которую мы тут же, в кулуарах, и выпили из горлышка.

В этом выпивании участвовала, в частности, и моя будущая (тогда) и прошлая (ныне) жена Ольга Тихомирова, которая тоже была совершенно круглой отличницей, но не на физфаке, а на филфаке. Разница в одну букву не помешала нашей дружбе, которая в дальнейшем переросла в любовь. Я у Ольги очень многому научился, это один из людей, которые оказали самое сильное влияние на меня.

Другим однокашником, который на меня очень сильно повлиял, был Валера Гагарин (ныне доцент и директор НОФа). Мы с ним дружили, вместе занимались в лыжной секции, вместе выиграли первую

лыжную эстафету ОмГУ, готовились к экзаменам, выпивали, спорили и даже сочинили песню про матанализ на мотив «Раскинулось море широко». Вот она:

Раскинулся вектор по модулю пять,
Смотрел с того света Витали.
Студент не сумел производную взять,
Ему ассистенты сказали:

«Анализ нельзя на халтуру сдавать,
Профессор Ходак недоволен,
Изволь-ка критерий Коши доказать,
Иначе с физфака уволим».

Он мучался долго, окрестности брал,
По дельта выискивал номер.
В могиле, рыдая, Коши завывал:
«Ох, вовремя всё же я помер».

Когда же студент модулировать стал,
И вся его лажь прояснилась,
Ходак поседел и со стула упал,
Лежал – сердце больше не билось.

Был Жорою схвачен убийца тотчас,
И Кукин продолжил экзамен:
«Двойные ряды расскажите сейчас,
А также про способ Фруллани».

Он долго с искусством ребёнка пытал,
Когда же студент наш ответил,
Что будет компактным любой интервал,
Георгий Петрович заметил:

«Скажи, о убийца, невесте моей
У ней не мои будут дети,
Что я ...», – тут упал он, померк свет очей,
Он встал в ряд Фурье на том свете.

Усатый Коврижкин, И.В. Вольнец
Решили отмстить за погибших:
Из всех производных (со скрипом сердец)
Спросили лишь только о низших.

И долго с тоскою бедняга смотрел,
Как люди выходят за двери.
Про Шлёмильха-Роша сказать не умел,
Но в то, что завалит, не верил.

И так поразил он незнаньем своим
Весь наш универ, дальше больше...
Остался в живых Хорошевский один
И тот эмигрировал в Польшу¹.

Покойники чинно лежали в гробах,
Вокруг изоморфные кольца
Вились у их ног, а у них в головах
Лежали тома Фихтенгольца.

Коль станет учителем этот студент,
То что тогда может случиться?
Все дети считать станут только до трёх,
А дальше не будут учиться.

Пока я набирал этот текст, возникла масса ассоциаций. Авторство его время от времени приписывают себе математики нашего же первого набора. Правда, они так и не могут сказать, кто написал этот текст.

Я уверен, что его сочинили Гагарин и Гончар в процессе подготовки к очередному экзамену по матанализу (кажется, на втором курсе). Мы, конечно, понятия не имели, что Г.П. Кукин действительно так рано уйдёт от нас. Кстати, он у нас ничего не преподавал, но сам факт его существования и легенды, которые ходили о нём, оказывали на меня лично огромное влияние. Чего стоит хотя бы его манера называть всех своих студентов по имени-отчеству!

Ну, про Кукина, наверное, кто-нибудь из математиков ещё напишет. А вот историю о Георгии Леонидовиче Ходаке завершить придётся мне. Его лекторская деятельность на нашем потоке приходила во всё большее несоответствие тому, чего ожидало большинство студентов. Что касается нас с Гагариным, то наше полное непонимание того, что он нам рассказывал, постепенно превратилось в частичное понимание, а затем и в полное понимание. То ли мы поумнели, то ли он стал лекции поаккуратнее читать, но мы уже успевали всё понять, записать да ещё тут же, на лекции, обсудить вкратце. Однако большинство наших однокашников написало на Ходака жалобу (наверное, даже не одну), и он из нашего университета ушёл. Лично я у него многому научился, спасибо ему.

А вот ещё один преподаватель, от которого страдал весь поток, а я получил выгоду в виде образования. Речь идёт о Борисе Захаровиче Тамбовцеве (БЗ). Появился он у нас на втором курсе в виде лектора по теоретической механике. На одной из первых его лекций я задал ему какой-то вопрос, как привык уже это де-

лать за год учёбы. Ответ был: «Все вопросы после лекции». Это нас всех неприятно удивило.

В дальнейшем оказалось, что БЗ, не блеща экстраординарным интеллектом, дерёт со студентов на коллоквиумах и экзаменах просто 7 шкур. Лично я к этому времени уже привык быть отличником, а как получить «отлично» у БЗ? Да ещё я со своими вопросами и замечаниями вызвал его очевидную антипатию. Списывание даже не рассматривалось: не того достоинства «пятёрка» мне была нужна. Выход нашёлся: надо знать материал лучше, чем сам БЗ. Этот метод в дальнейшем работал с минимальными сбоями, а БЗ в то время был единственным физиком-теоретиком в нашем университете, а потому читал нам, кроме теормеха, ещё и электродинамику, а также теорию функций комплексного переменного.

На экзамене по электродинамике, помню, получилось следующее. Взял я билет, сижу, готовлюсь, а по ходу дела мне надо использовать напряжённость электрического поля, которое создаёт бесконечная заряженная плоскость. К стыду своему (теперь), я эту формулу не помнил, а выводить было некогда.

По правилам, которые установил БЗ, на экзамене МОЖНО было пользоваться книгами. Я, правда, принципиально не пользовался ими, но тут явно надо было заглянуть. Я взял учебник у кого-то и нашёл там нужную формулу.

Сел отвечать, БЗ меня дослушал до того места, где эта формула у меня появилась, и спросил, выводил я её или нет. Я сказал, что поглядел в учебнике. Тогда БЗ повелел мне её вывести в качестве дополнительного вопроса, но я-то знал, что дальше может быть задан ещё вопрос, и ещё, и ещё... Поэтому я потребовал, чтобы все свои дополнительные вопросы БЗ мне задал прямо сейчас, но именно ВСЕ. Получилось вопросов около десятка. Я сказал, что это ещё на 3 часа работы, так что гуманно было бы меня отпустить покурить. БЗ согласился. Я вышел в коридор и сопровождал курение листанием учебника и просматриванием (именно и только просматриванием!) ответов на заданные мне вопросы. В итоге экзамен был сдан на «отлично», а ощущение от него было как от выигранного поединка.

Заканчивая часть, посвящённую БЗ, я хочу остановиться ещё на одном его мероприятии, которое принесло мне огромную пользу. Речь идёт о зачёте, который почти каждый из нас должен был сдать по задачам. Задачу БЗ выдавал в аудитории 240, озадаченный имел часок на ее решение и право выходить из аудитории. Я в это время сидел в засаде в аудитории 241 и вышедших зывал к себе, там им задачи решал, решение толковывал, и они шли сдавать его БЗ. Понятно, что и физическая, и преподавательская практика у меня получалась отменная. В дальнейшем, уже году в 1981-м или около того, БЗ было предложено уйти из ОмГУ. Дело в том, что число «двоек», выставляемых им на экзамене, перевалило за 40 %, а это явно неразумно (помните, тогда не было коммерческого набора, то есть все, кто числился на физфаке, минимальную «тройку» на вступительном экзамене получили). Так исчез из ОмГУ тот, кто дал мне едва ли не больше всех остальных преподавателей. Впрочем, это совсем не его вина.

В годы моей учёбы на физфаке появились ДВА профессора: Леонгард Леонгардович Люзе и Эдуард Николаевич Хабаров. Мудрое руководство рассудило, что приглашать на работу надо двух профессоров по одной и той же специальности, по физике твёрдого тела. Если я правильно помню, то они даже занимались одной и той же задачей, свойствами полупроводников типа АПВВ. Во всяком случае, именно об этих веществах мы чаще всего слышали на лекциях Хабарова. Ну а Люзе просто был отцом советского диода Гана, в котором работал GaAS.

Оба профессора были очень интересными людьми. Люзе мог с ходу рассказывать о чём угодно и как угодно долго (мои студенты теперь знают, на кого я стремлюсь быть похожим в этом отношении). Например, мне очень запомнился его рассказ про... Транссибирскую магистраль. Он вообще находил время просто поговорить со студентами во внеучебное время. А вот лекции у него были скучные.

Хабаровские лекции были очень интересными! Это были лекции по физике, а не по выводу одной формулы из другой. Наверное, в общении с ним я впервые почувствовал вкус настоящей физики. Он вёл у нас и лабораторные работы. Хо-

рошо помню, как он раскритиковал наше (моё и Игоря Ставских) выполнение работы по мостику Уитстона. Мы стали ссылаться на методичку. Тогда он обругал и её тоже и велел нам самим разработать методику выполнения работы и оценки погрешностей. Мы это сделали, и у меня осталось, как говорили тогда совсем по другому поводу, «чувство глубокого внутреннего удовлетворения» от сделанной работы. Я действительно разобрался в этом кусочке физики.

Пора, однако, закругляться. Надо бы, конечно, написать ещё о Климентии Николаевиче Югае, под руководством которого я делал дипломную работу. Хорошо бы ещё написать про Геннадия Дмитриевича Адеева, который был фактическим руководителем моей кандидатской диссертации. Неплохо было бы также написать про Владимира Ивановича Струнина, который был командиром студенческого строительного отряда, в котором я не очень успешно трудился в селе Замелетёновка Любинского района. Там я получил за что-то выговор от комсомольской

организации. Выговор это через год «снял» с меня не кто-нибудь, а Сергей Бабурин, тот самый, который теперь является большим политическим деятелем, а тогда был секретарём комитета комсомола ОмГУ. И уж, конечно, хочется поделиться своими воспоминаниями о наших вечерах посвящения в студенты, которые мы проводили с 1-го (тут мы сами себя посвящали) по 4-й курс.

Да, много всяких тёплых и смешных воспоминаний всплывает в памяти, но об этом как-нибудь потом.

А может быть, это моё произведение подвигнет кого-нибудь из моих бывших однокурсников на написание воспоминаний? Пора, ребята, не опоздайте, вспомните, что четырёх из сорока уже нет!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Что касается Хорошевского и его «эмиграции в Польшу», то эмиграция нам понадобилось по логике текста сочиняемой песни, а в Польшу – это мы по звучанию фамилии его так определили.